

ПРОСТО О СЛОЖНОМ

ЮМ

ЗА 90 МИНУТ

ВСЯ МИРОВАЯ ФИЛОСОФИЯ ЗА 90 МИНУТ!

УДК 1(091) (410)
ББК 87.3 (4 Вел)
С84

Оформление
Дизайн-студия «Дикобраз»

Перевод с английского
Зубков С. В.

Все права защищены
Авторизованный перевод с издания
Hume in 90 minutes
Paul Strathern

Опубликовано с разрешения издательства
IVAN R. DEE

Подписано в печать 02.02.2005. Формат 84x108/32.
Гарнитура "Ньютон". Бумага газетная. Усл. печ. л. 4,2.
Тираж 5000 экз. Заказ № 5546.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры
Санитарно-эпидемиологическое заключение
№77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

Стретерн, П.

С84 Юм за 90 минут /Пол Стретерн; пер. с англ.
С. В. Зубкова. - М.: АСТ Астрель, 2005. - 79, [1] с. —
(Философы за 90 минут).

ISBN 5-17-029242-2(000 «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-11428-7(000 «Издательство Астрель»)

ISBN 1-56663-240-4(англ.)

В книге «Юм за 90 минут» Пол Стретерн предлагает краткий профессиональный обзор жизни и трудов Юма и показывает влияние внутренней борьбы философа на понимаемое своего существования в мире.

УДК 1(091) (410)
ББК 87.3 (4 Вел)

ISBN 5-17-029242-2
(ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-11428-7
(ООО «Издательство Астрель»)
ISBN 1-56663-240-4 (англ.)

Copyright© 1999 by Paul Strathern
©ООО«ИздательствоАстрель», 2005

www.infanata.org

Содержание

Введение	5
Жизнь и труды Юма	9
Послесловие	47
Юм, его последователи и современная наука	51
Из произведений Юма	59
Важные даты в философии	69
Хронология жизни Юма	73
Именной указатель	75
Об авторе	79

Введение

До Юма философов часто обвиняли в атеизме. Юм же был первым, кто принял это обвинение. «Звание» атеиста отнюдь не обещало легкой жизни — ни философу, ни простому смертному. В обществе всегда имелись способы усмирения неортодоксальных мыслителей: в Древней Греции им предлагали яд, во времена до средневековья «знакомили» с инквизицией. Поэтому философы пускались во все тяжкие, чтобы убедить других (и себя в том числе) в собственной непричастности к атеизму. Юм же во всеуслышание заявил о несостоятельности теологии. Это было расценено как общественный скандал — однако попытки заставить его признать обратное были вполне

цивилизованными, путем философских аргументов, а не при помощи дыбы. Это говорит как о толерантности британского общества XVIII века, так и о терпимости самого философа. Но если он хотел остаться последовательным, обойтись без этого вызова обществу было невозможно.

Философия долго шла к атеизму. Ряд философов Древнего мира, стоики и несколько киников, были к нему близки. Но Сократ был приговорен к смерти за то, что отказывался почитать богов, а в Древнем Риме часто невозможно было не верить в бога (особенно если этот бог еще и император). Поэтому вера была необходимой для тех, кто хотел продолжать мыслить, да и для тех, кто хотел продолжать просто жить.

В начале христианской эпохи философия оказалась полностью поглощенной теологией. Работы Платона и Аристотеля были приравнены к Священным Писаниям, а философия по преимуществу заключалась в комментировании таких текстов. Затем последовали комментарии к комментаторам, а также приведение этих трудов в соответствие с догматикой. Логика использовалась для того, чтобы доказать существование Бога.

Иногда такая работа была интересной и даже не чуждой творчеству. Но она не была оригинальной. Основные предпосылки оставались неизменными.

Эти предпосылки были впервые серьезно поставлены под вопрос в XVII веке Рене Декартом, которого сегодня считают основоположником современной философии. Декарт отказался от старых догм и в основание своей философской системы поместил постулат разума, а не веры. Он показал, что можно отрицать все, за исключением одной вещи. Невозможно ставить под сомнение все, и в то же время сомневаться в *собственном существовании*. «Я мыслю, следовательно, я существую», — таково его знаменитое заключение. На нем Декарт основал свою рациональную философию.

Примерно полвека спустя британский философ Джон Локк продвинулся на один шаг дальше и ввел понятие эмпиризма. Он считал, что самым последним основанием философии является не разум, а опыт. С точки зрения Локка, все наше знание получено из опыта. У нас нет врожденных идей, только впечатления, а идеи мы создаем

сами, размышляя над этими впечатлениями. Казалось, философия достигла своих пределов.

Но не пришлось долго ждать следующего шага. Традиция британского эмпиризма оказалась на грани здравого смысла с появлением ирландца Беркли. Если наше знание о мире базируется только на опыте, то как мы можем знать о том, что мир существует, если мы его не воспринимаем? Мир, таким образом, сводился к фикции, а философия — к посмешищу. Но к счастью для этого мира, Беркли был священником и богобоязненным человеком. Конечно, мир продолжает существовать, — объявил он, — даже когда его никто не воспринимает. Но как это может быть? Это возможно, так как мир всегда воспринимает Бог.

Такой прием спас Беркли от множества неприятностей (не только с архиепископом и прихожанами). У мира появилась опора. И она продержалась еще 30 лет, пока на философской сцене не появился Давид Юм.

Жизнь и труды Юма

Юм является единственным философом, идеи которого находят отклик и сегодня. Труды древних греков ныне можно читать как литературные произведения, философия же их всерьез не воспринимается. Средневековье в лице Августина и Фомы Аквинского чуждо современным опытным знаниям. Благодаря Декарту и рационалистам мы поняли, что человек не исчерпывается разумом, ранний эмпиризм кажется самоочевидным, надуманным или скучным. А философы после Юма почти все попадают в две последние категории.

Юму удалось то, что только что пытался сделать я, а именно: он разрушил философию до основания. Он сделал еще один шаг после Беркли и

довел эмпиризм до его логического завершения. Юм отрицал существование всего, за исключением самих актов восприятия. Сделав это, он поставил нас в трудное положение. Это называется солипсизм: существую только я один, а мир не что иное, как часть моего сознания. Все, конец игры в философию, тупик, из которого невозможно выйти. Шах и мат.

Затем мы неожиданно осознаем, что это не имеет значения. Несмотря на то что говорят философы, мир остается там же — и мы продолжаем жить дальше. Как и Юм, остроумие и гаргантюанское телосложение которого выгодно отличало его от приведшего нас в тупик солипсизма Беркли. Юм просто высказал новую идею о *статусе* нашего знания о мире. Мы можем верить в религию, если хотим, но мы делаем это исключительно по собственной воле. И мы можем делать научные умозаключения, чтобы навязать нашу волю миру. Но ни религия, ни наука не существуют сами по себе. Это просто наши реакции на опыт, одни из множества возможных.

Юм происходил из почтенной шотландской семьи. Его биограф Е. Мосснер проследил его

родовое древо вплоть до Хома из Хома, который умер в 1424 году. К числу предков философа относятся такие не столь приятные, но, несомненно, выдающиеся личности, как Белчер из Тофта, Хома Блэкаддер и Норвелл из Богхола.

Давид Юм родился 24 апреля 1711 года в Эдинбурге. Его отец умер, когда ребенку было три года. Необыкновенно большое число выдающихся философов лишилось отца в раннем возрасте, и этот факт толкуют на все лады психоаналитические теории. Они говорят о том, что недостаток мужской доминирующей фигуры формирует стремление к созданию чего-то, на что можно опереться, приводит к попыткам создания теоретической системы, занимающей место «абстрактного» родителя. Такие психоаналитические теории могут быть блистательными, завораживающими, возможно, даже информативными (только о чем они говорят, я не знаю точно). Другими словами, они могут объяснить у описываемых ими философов все, что угодно, кроме уровня их интеллекта.

Ко времени, когда Давид Юм появился на сцене, ветвь его выдающегося семейного древа

деградировала до такой степени, что Юмы жили в небольшом и неустроенном поместье в Найнвеллсе. Условия в Найнвеллсе по современным стандартам покажутся примитивными и крайне суровыми: босые слуги, коровы и цыплята, ютящиеся зимой на нижнем этаже дома, диета, основанная во многом на овсянке, просяной каше и кале (питательная традиционная похлебка или отвратительный водянистый суп из капусты, в зависимости от вашего вкуса). Но Юм не считал, что его детство было тяжелым, ни тогда, ни впоследствии. Он обучался в доме местного учителя вместе с крестьянскими детьми в шотландских традициях равенства, намного опережающих британское образование. Затем с 12 по 15 лет он учился в университете Эдинбурга. Такой ранний возраст поступления в университет в то время не был чем-то необычным (эта традиция поддерживается до сих пор).

После университета Юм должен был заниматься юриспруденцией. Но он уже мечтал о другом и начал читать множество книг по различным темам. Только ценой огромных усилий он находил время на занятия своим основным делом. Так про-

должалось три года. Постепенно чтение Юма стало все больше касаться философии, до тех пор пока ему однажды не показалось, что ему «открылось совершенно новое поле мысли». Его философские идеи начали формироваться, и он задумал создать единую философскую систему. Теперь законы «казались ему тошнотворными», и постепенно он решил отказаться от изучения права.

Решение далось не просто. Оно означало отказ от профессиональной карьеры и шанса заработать какие-то деньги. Долгая внутренняя борьба по поводу этого решения привела его к нервному срыву.

Юм вернулся в Найнвеллс, но его выздоровление было лишь частичным. Между приступами депрессии он продолжал развивать свои новые идеи. Несколько раз вызывали местного доктора, который пришел к выводу, что Юм страдает от «болезни ученых». Ему был прописан курс «горьких и антиистерийных пилюль». Также врач посоветовал ему выпивать пинту красного вина каждый день и регулярно заниматься физическими упражнениями в форме продолжительных прогулок верхом.

До этого времени Юм был высоким и худым: долговязым молодым человеком с длинными руками. Но несмотря на свой режим и упражнения, он начал набирать вес. Во время своих ежедневных поездок по голой, холмистой местности, его лошадь худела, наездник же рос вширь, постепенно превращаясь в полного человека, каковым он остался до конца своей жизни. Это позволяет предположить, что проблемы Юма в тот период были связаны с железами внутренней секреции.

Его выздоровление, возможно, никогда не завершилось полностью. Некоторые загадочные эпизоды в поздние периоды жизни позволяют предположить наличие постоянных проблем с психикой.

Юм не хотел всю жизнь жить со своей матерью в Найнвеллсе. В 1734 году друг семьи нашел ему работу на должности клерка у портового купца в Бристоле. Мотивы для поиска работы были различными. Конечно, ему нужны были деньги, но также он думал, что работа предполагает командировки за границу. Это нравилось Юму, склонному к приключениям, к тому же могло оказаться полезным для его здоровья.

Существуют свидетельства, что оно продолжало беспокоить Юма. На пути в Бристоль он проезжал через Лондон. Здесь он сочинил длинное письмо к доктору Арбутнотту, одному из самых известных врачей того времени. В нем Юм постарался описать свою болезнь, хотя ему мешали отсутствие точных знаний и нечеткие понятия того времени. Он описывает свою болезнь как «расстройство» и говорит о своем «воспаленном воображении». Он пишет: «В течение продолжительного времени я занимался размышлениями о смерти и бедности, стыде и боли, и обо всех прочих несчастьях жизни». Прочитав рецепт, который был выписан ему его врачом, Юм предается философским рассуждениям: «Я верю, что большинство философов, живших до нас, продемонстрировали величие своего гения, и что совсем немного требуется для того, чтобы человек преуспел в своем учении и отбросил все предрассудки в лице своего мнения или мнения других». Письмо завершается различными вопросами по поводу его болезни («Могу ли я надеяться на выздоровление?»), на которые он отвечает сам («Конечно, вы сможете»). И, кажется, фокус удался.

Юм так никогда и не отправил свое письмо, длинной в десять страниц (хотя и хранил его всю жизнь). Он обнаружил, что написание такого произведения само по себе может быть лекарством. Или, по крайней мере, отчасти его заменять.

Теперь Юм работал клерком в Бристоле и скоро обнаружил, что его работа едва ли предполагает какие-то поездки за границу. Отношения с работодателем постепенно ухудшались, и со временем он оставил работу. На свой двадцать четвертый день рождения он вернулся в Найнвеллс, где вскоре заработал плохую репутацию за свое «высокомерное и нерелигиозное поведение». Примерно в это же время Юм унаследовал небольшой доход в сорок фунтов стерлингов в год, что позволяло ему экономно жить, не работая.

Он начал задумываться о работе над философией и решил создать новую философскую систему, которая сделала бы его знаменитым. Всю свою жизнь Юм скрывал эту тайную цель, свою «любовь к литературной славе, влекущую страсть». И наибольшей славы Юм достиг именно как литератор, а не как философ. В конце своей жизни Босвелл говорил о нем как о «величай-

шем писателе Британии», и до сегодняшнего дня в каталоге Библиотеки Британского музея он значится как «Давид Юм, историк». Через несколько месяцев Юм решил отправиться во Францию. Здесь он мог сносно существовать на свой маленький доход, а изоляция позволила ему сконцентрировать внимание на своей новой философии, размышления о которой не будут прерываться более практическими вопросами (в Найнвеллсе всегда оставались мать и дядя, которые не были фанатами философии).

Говорят, что Юм оставил Найнвеллс крайне поспешно. Незадолго после его отбытия во Францию местная незамужняя женщина по имени Агнесса, о которой говорили, что у нее «плохая репутация в таких вопросах», объявила, что она беременна. Отношение к таким вещам в Шотландии в то время было полностью христианским. Бедная Агнесса была отлучена от церкви, где священник (дядя Юма) прочитал формулу публичного обвинения, заканчивавшуюся скромным пожеланием смерти во время родов. Как будто этого выражения сострадания и христианской любви было недостаточно, ее протащили перед всем собрани-

ем прихожан, где она получила еще больше публичных унижений (любимый метод кары в лицемерном обществе). Мне говорили, что такое наказание было следствием бессознательного мазохизма. Во время курса терапии унижением Агнесса неожиданно назвала уехавшего Юма отцом своего ребенка, вероятно, чтобы защитить реального отца. Толпа ей поверила. Правды же мы не узнаем никогда.

И это почти все, что мы знаем о сексуальных наклонностях Юма. Согласно Моссеру, Юм «в поздний период жизни в Италии, Франции и Шотландии был человеком с нормальными сексуальными желаниями». Поскольку об этих желаниях больше ничего не говорится, мы можем только предполагать, кем они удовлетворялись — полными энтузиазма горничными или требовательными хозяйками. А так как Юм был одним из немногих литературных деятелей своего века, не заболевших сифилисом, вероятно, его желания были нечасты, он вряд ли обращался к помощи проституток, которые в то время стоили дешевле медицинской грелки. (Последнее наблюдение — результат социально-экономических исследований, а вовсе не попытка

осмеять или осудить. Эти передающие болезни женщины были в большинстве случаев жертвами тех же обстоятельств, что и Агнесса, продуктом лицемерного общества).

Сначала Юм жил в Реймсе, но потом переехал в Ла Флеш, почти наверняка из-за связи этого места с именем Декарта, который воспитывался там в иезуитском колледже. За три года Юм завершил свой «Трактат о человеческой природе». Впоследствии он назвал эту работу плодом юношеской горячности. Но он не отказался от ее философии, где содержатся почти все его оригинальные идеи, которые ценятся и сегодня. Бертран Рассел в своей «Истории западной философии» утверждал, что эта книга содержит лучшую часть философии Юма. Очень неплохо для человека, который в то время не достиг и тридцати лет.

В «Трактате о человеческой природе» Юм попытался определить основные принципы человеческого знания. Как мы можем знать что-то наверняка? И что же это такое, в чем мы можем быть уверены? Пытаясь ответить на эти вопросы, он пошел по стопам эмпиризма, считающего, что все знание основано на опыте. С точки зрения Юма

опыт состоит из восприятий, которых можно выделить два вида. «Те восприятия, которые входят в сознание с наибольшей силой и неудержимостью, мы назовем *впечатлениями*, и под этим именем я буду подразумевать все наши ощущения, аффекты и эмоции, как они впервые появляются в душе. Под *идеями* же я понимаю слабые образы этих впечатлений в мышлении и рассуждении».

Он объясняет: «Каждая простая идея имеет простой отпечаток, который ее напоминает». Но мы также можем создавать сложные идеи. Они происходят из впечатлений, как и простые идеи, но не обязательно имеют под собой единое впечатление. Например, мы можем представить себе русалку, соединив в сознании идею рыбы и девушки.

Твердо придерживаясь этих понятий идеи и впечатления как единственной основы нашего знания, Юм приходит к удивительному умозаключению. Объекты, продолжительность, наше «я», даже причина и следствие — все это оказывается ложными понятиями. Мы никогда не воспринимаем объект, только впечатления о его цвете, форме, вкусе, материале и так далее. Также у нас нет впечатления, которое соответствовало бы понятию

о продолжительности. События просто происходят одно за другим. Мы даже не можем сказать, что одно событие вызывает появление другого. Мы можем наблюдать, что одно явление постоянно следует за другим (зажигание пороха, взрыв), но между ними нет логической связи, а также логического обоснования, почему это будет происходить в будущем. «У нас нет другого понятия о причине и следствии, чем постоянное *появление вместе* двух определенных событий». Индукция путем простого перечисления не имеет логической силы. Все лебеди были белыми, пока во времена Юма не были обнаружены черные лебеди в Австралии. Поэтому лебеди не необходимо являются белыми, также как поджигание пороха не необходимо приводит к его взрыву.

В подходе Юма много сложностей, и они не ограничиваются противоречием здравому смыслу. Как мы можем продолжать жить, если это все, что нам известно? Юм предвидел возражения, которые будут адресованы его философии. «Когда мы выходим из нашего кабинета и занимаемся общественными делами, сделанные в нем умозаключения растворяются, как ночные призраки при

наступлении утра; и нам нелегко сохранять даже те убеждения, которых мы достигли с трудом». На самом деле Юм указывал на недостаточность человеческих возможностей в отношении знания. Мы думаем, что знаем многое, но на самом деле, многое из нашего знания является только предположением. Надежным — но тем не менее предположением.

Эта позиция, как ни странно, очень близка к сегодняшней ситуации в науке, когда научная истина вышла далеко за рамки достоверности или здравого смысла. Мы верим в истины науки, которые говорят нам о том, что стремительный поток субатомных частиц пронесется сквозь нашу Землю, тени антиматерии преследуют нас на каждом шагу, а кривая пространства может перенести нас в прошлое. И все же мы продолжаем жить во Вселенной Ньютона, в которой яблоко падает по закону гравитации на уютную лужайку реальности. Сегодня та истина, в которую верит наука, покажется обычному человеку не менее бессмысленной, чем философия Юма. И как всегда, до смешного неадекватные понятия здравого смысла по-прежнему считаются достаточными.

Несмотря на разрушение Юмом основ науки, он высоко ценил Ньютона и его экспериментальный подход. На самом деле размышления Юма о впечатлениях во многом были вдохновлены главой из «Оптики» Ньютона о лучах света и объектах: «В них нет ничего, кроме определенной энергии и диспозиции, что вызывает ощущение того или иного цвета». Другими словами, мы не воспринимаем сам объект. Юм глубоко восхищался наукой, особенно строгостью ее методов. Он был уверен, что у науки большое будущее. Но, как ни парадоксально, философия Юма ставит человека на то место, которое он занимал в начале Средневековья. Коперниклишил человека и Землю привилегии быть центром Вселенной. Солипсистский эмпиризм Юма восстановил человека в его праве быть центром всего, что происходит вокруг (хотя в случае Юма речь шла не о Земле, а о целом мире).

В позиции Юма много спорных моментов. Беркли полагался на Бога как на высшего созерцателя мира. По Юму — не существовало даже того, что можно бы созерцать. А если в его теории не нашлось места для таких вещей, как тела, длительность, причина и следствие, то в ней едва

ли хватило бы места для Бога. Юм, конечно, не верил в Бога, но его философия приводит нас в состояние, близкое к состоянию некоторых буддистских мистиков (которые тоже не верили в Бога). Если Беркли свел философию к шутке, Юм объяснил эту шутку, и тем самым сделал ее не смешной. Однако люди после этого не начали относиться к его философии более серьезно.

В 1739 году Юм вернулся в Британию и опубликовал свой «Трактат». Затем он приготовился к атакам и насмешкам критиков, которые неизбежно должны были последовать. На них он ответил бы блистательно и остроумно, что обеспечила бы ему славу, деньги, общественное признание, внимание со стороны поэтов и финансистов, любовь женщин и даже жен финансистов, и все прочие ингредиенты признания, которые уважающий себя философ считает чем-то само собой разумеющимся. Увы, этого не произошло. Великое произведение Юма «сошло с печатного станка мертворожденным», как он сам сказал. Его работу постигла ужасная судьба: остаться незамеченной. Какова же реакция Юма? «Будучи по натуре своей веселым сангвиником, я очень скоро оправил-

ся от удара». Он вернулся в Эдинбург и начал писать эссе по вопросам морали и политики. Такие получили некоторое признание, и в 1744 году он выдвинул свою кандидатуру на пост заведующего кафедрой моральной философии Эдинбургского университета. К несчастью, оказалось, что по крайней мере один человек прочитал его «Трактат о человеческой природе». Против его кандидатуры были выдвинуты возражения с приведением цитат из трактата, из которых следовало, что это еретический и атеистический труд. Такие обвинения было сложно отрицать, особенно поскольку они исходили от человека, внимательно прочитавшего книгу. (Ранняя уверенность Юма в своей способности блестяще отразить все нападки критиков основывалась на убеждении, что никто из них не прочитает его книгу полностью.) Юму не дали места в его родном университете, и он вынужден был в отчаянии уехать.

Тогда он решил найти работу, которая больше соответствовала бы его способностям. Со временем ему предложили место учителя у не вполне здорового маркиза Анандала в его доме около Сейнт Албанса в северо-восточной Англии. Пост

показался привлекательным, и Юм согласился. В те периоды, когда лорд не был способен воспринимать философские наставления (которые считались последним его прибежищем), Юм писал историю Англии, но скоро он настолько отчаялся, что оставил работу, пообещав себе вернуться к данному проекту позже.

Страна была на пике своего собственного безумия. В 1745 году произошло восстание якобитов против британского правления в Шотландии. Шотландская армия из пяти тысяч человек успешно вторглась в Англию, затем спешно отступила и была разбита в битве под Каллоденом. К счастью для Юма, все это время он был в Англии и мог наблюдать за восстанием со стороны. Части его друзей в Эдинбурге пришлось стать на ту или другую сторону, что было чревато небезопасными последствиями. Комментарий Юма по поводу этих событий: «Восемь миллионов людей (могли быть) подчинены и обречены на рабство пятью тысячами, самыми смелыми, но все же самыми бесполезными из них».

Это событие оказало сильное воздействие на Юма. Он видел, что вокруг вершится история, даже

если он непосредственно не участвует в ней. Его положению стороннего наблюдателя скоро пришел конец, так как он отказался от обучения безумца и поступил на службу секретарем к генералу.

Генерал Джеймс Сент-Клер ожидал приказа отправиться в военную экспедицию против французов в Канаде, когда принял к себе на работу нового секретаря. Корабли и армия для этой кампании ждали в Портсмуте уже несколько месяцев. Но государственный секретарь, граф Ньюкасл, не мог решить, что же именно с ними делать. Это был человек, про которого говорят, что каждое утро он теряет полчаса, а потом тратит весь день на то, чтобы их найти. Несмотря на довольно серьезные достижения, этот период военной истории Англии часто считается самым неудачным: идеальная тема для философствующего историка, который является еще и непосредственным свидетелем великого чуда — работы разума военного.

Граф Ньюкасл наконец-то нашел свои потерянные полчаса и отдал приказ генералу Сент-Клеру выступать и атаковать французов, но не в Канаде, а во Франции. Когда же генерал спросил графа, что ему делать со специально обученными

индейскими разведчиками, которые были на борту, вопрос был назван не имеющим отношения к теме. Затем генерал спросил, где он должен высадиться во Франции, и получил ответ, что он может высаживаться где угодно. Тогда генерал Сент-Клер (вместе со своим новым секретарем) отправились назад в Портсмут и поднялись на флагманский корабль. Здесь обнаружилась проблема. Ни у кого на корабле не было карты Франции. Юм сказал, что он знает, как выглядит Франция, и что мог бы нарисовать ее от руки, если генерал пожелает. В конце концов на берег в местный книжный магазин был отправлен офицер в поисках чего-то подходящего. Он вернулся с книжкой о Франции, в которой на задней обложке была изображена маленькая карта. Юм подтвердил, что Франция точно такой формы, и генерал отправился в плавание к ее берегам, о которых ему сказали, что, держа курс на юг, их невозможно не встретить.

Британский флот наконец прибыл в Л'Ориент (расположенный на юго-западном берегу Франции, а не в непосредственной близости от Британии, что означает, что генерал Сент-Клер

все же едва не проплыл мимо Франции). Прямо на берегу недалеко от Л'Ориента он высадил свою армию (пока Юм делал свои записи будущей истории Англии). Целью генерала было осадить важную гавань, но, к несчастью, вскоре начался дождь. Поэтому его трехтысячное войско погрузилось обратно на корабли. Несколько месяцев вояки ограничивались маршировками. В конце концов солдаты уже не могли прямо ходить (здравый смысл позволяет предположить, что воздействие на них не только дождевая вода). Тем временем французы обнаружили, что британская армия превосходит их численностью в семь раз. Две противостоящие стороны обменялись выстрелами из орудий, после чего военные гении с обеих сторон решили обсудить положение за ужином. Британское высшее командование скоро пришло к заключению, что их неустойчивые солдаты лучше будут чувствовать себя на борту корабля, и ночью они погрузились на борт. Тем временем французский главнокомандующий, по причинам, которые может понять только эксперт в военном деле, решил сдаться. Когда на следующее утро французские войска пришли сдаваться,

они нашли лишь нескольких артиллеристов (о которых все забыли), укрывающихся от дождя около пушек. Теперь французы были в значительном численном превосходстве, и, осознав, что сдача в плен такому незначительному количеству британцев просто смешна, они поменяли тактику и взяли британских солдат в плен. Тем временем английский флот и горе-философ потерялись в шторме и после долгих приключений прибыли домой, чтобы получить свои медали.

В результате этой славной военной кампании генерал Сент-Клер заслужил высокий пост главы важной дипломатической миссии в Вене и Турине. Он отправился туда в сопровождении своих советников и своего секретаря.

Свое путешествие по Европе Юм описывает по-разному. «В Германии много... честных и предприимчивых людей, и когда они объединятся, это будет самой великой силой, которая когда-либо существовала в мире», — проницательно отмечает он. «Обычные люди здесь почти везде лучше одеты и более спокойны, чем во Франции; и не сильно хуже, чем в Англии, не поддаваясь вольностям, которые позволяют себе последние». Но

жителями Австрии Юм был не впечатлен, поскольку «страна погрязла в дикости, так как большинство жителей выглядят ужасными, изуродованными дикарями. У многих из них испорчено горло, идиоты и глухие есть в каждой деревне, и в целом это самые неприятные люди, которых я видел. Никто бы не подумал, что здесь проходила великая дорога, по которой варвары делали набеги на Римскую империю, и оставляли здесь резерв своих армий, прежде чем вступить в страну неприятеля». Такая реакция Юма была вызвана не только тяжелой дорогой и предстоящим путешествием через Альпы. Его наблюдения не были преувеличением. Сегодня известно, что этот регион страдал от дефицита йода в диете, что проявлялось в заболеваниях щитовидной железы и умственных расстройствах.

Но местные жители были не единственными, кто страдал от помутнения сознания. Когда миссия достигла Турина, Юм почувствовал себя больным. Его товарищ по путешествию записал: его поразила жестокая лихорадка вместе с ее естественными симптомами — бредом и неистовством. Во время приступов болезни он часто го-

ворил о дьяволе, аде и проклятии, а как-то ночью, когда его сиделка уснула, он встал с постели и пошел к глубокому колодезю, находившемуся в середине двора, с намерением утопиться, но обнаружил, что задняя дверь заперта. Он бросился в комнату, где, как он хорошо знал, благородные джентльмены хранили свои мечи. Там его нашли слуги, разбуженные грохотом выламываемой двери, и насильно препроводили обратно в постель.

Юм быстро восстановился после своего «фантастического путешествия» и стал объектом юмора в компании. Сам он относился к этому серьезнее: «Вы считаете, что философия является средством против безумия? Организация моего мозга была повреждена, и я был так же безумен, как любой заключенный Бедлама». Кажется, что он все прекрасно понимал и боялся своего скрытого недуга. И мы можем только догадываться о воздействии, которое недуг оказал на его интеллектуальную деятельность, хотя остается загадкой, почему такой последовательный атеист все же боялся дьявола, ада и проклятия. Можно также лишь предполагать, сколько подобных эпи-

зодов его жизни не были документально подтверждены. На многие важные вопросы так и не будет найдено ответа.

Генерал Сент-Клер и его секретарь со временем привели миссию к успешному завершению, проехав через всю Европу и не достигнув ничего (обычно именно достижения приводят к проблемам). Юм решил, что с него хватит. Потратив время на обучение безумца и работу секретарем у генерала, он решил, что теперь достаточно квалифицирован, чтобы заняться философией. Первую часть своего трактата он переделал и назвал «Исследование о человеческом разумении», и именно эта работа обеспечила ему известность в Европе. Последнюю часть он назвал «Исследование о принципах морали», сам он ошибочно считал ее своей лучшей работой.

Некоторым людям нелегко понять, как философ-солипсист, изучивший понятия причины и следствия, длительности и представления о телах, мог заниматься моральной философией. Но в вопросах этики Юм во многом отказывался от мыслей эмпирика, которые развивал в «Исследовании». Он все же пытался приблизить свою эти-

ку к структуре своего эмпиризма. Так, страсти, которые наблюдаются в других людях, являются впечатлениями. Сострадание, с другой стороны, является идеей, но если оно будет достаточно сильным и жизненным, оно может стать впечатлением. Как можно было ожидать от человека с таким темпераментом, его философия морали является очень человеческой. Сострадание, или сочувствие, является для него основой всех моральных качеств. Оно приносит как личную пользу, так и выгоду обществу. Юм классифицирует моральные качества согласно их полезности или одобрению — со стороны индивида и со стороны общества. Эти идеи были развиты на основе демократического либерализма Локка, который уделял главное внимание общественному договору, гарантирующему гражданам равные права перед законом. Идеалы Юма оказали влияние на утилитаристов XIX века, таких как Бентам и Милль, воплотивших его принцип в формуле «максимальное счастье для максимального числа людей». Но в этом стремлении к счастью для большинства заложено внутреннее противоречие. Кто тот козел отпущения, которого необ-

ходимо казнить, чтобы всем остальным стало лучше? Сведение общественной морали к воле большинства приводит к тому, что меньшинство остается на положении дискриминированных.

В 1752 году Юм стал хранителем Библиотеки адвокатов в Эдинбурге. Это не слишком уютное занятие дало ему возможность писать больше философских эссе по различным вопросам. Эссе в те времена было последней тенденцией в литературной моде. Хотя Юм был не таким блестящим стилистом, как Аддисон или Стил, идеи его были более глубоки. Темы его эссе были разными, начиная от политики и стандартов общественного вкуса, трагедий и брака, до полигамии и стоицизма. Его эссе по экономическим вопросам содержали много идей, важных для этой формирующейся науки. А эссе о чудесах и самоубийстве вызвали сенсацию, когда, наконец, были опубликованы.

В результате своей работы у Сент-Клера, Юм воочию увидел, как делается история. Вдохновленный этим открытием, он сделал еще одну попытку заняться историей Англии. На этот раз он начал ее с вторжения Юлия Цезаря в 55 году до

н.э. и закончил Славной революцией 1688 года. Наконец в 1762 году он завершил этот труд, описывая век за год, тем же самым темпом, которым шел Гиббон, автор книги «История упадка и разрушения Римской империи», опубликованной четыре года спустя. По рейтингу произведение Юма уступало только работе Гиббона, но продавалось значительно большим тиражом и оставалось бестселлером почти в течение века (пока «История» Маколея не затмила его).

«История Англии» Юма — одно из первых произведений, которое расширило сферу истории, включив в нее культурные и научные особенности изучаемого периода. Так как Юм отказался от многих предрассудков своего времени, его работу тут же объявили избыточной предрассудками. Комментарии Юма по культуре кажутся довольно честными. Он говорит, что поэты предыдущих веков создали «гениальные монументы, извращенные дурным вкусом, но никто не превзошел Драйдена ... как по величине своего таланта, так и по неумению его применить». А его философские идеи часто стремятся произвести хороший эффект: «Ньютон сбросил покров тайн

с некоторых загадок природы и в то же время показал несостоятельность механистической философии; он, следовательно, оставил тайны природы еще более загадочными, каковыми они обречены быть всегда».

Через год после опубликования «Истории Англии» Юм был удостоен чести занесения всех своих работ в список книг, запрещенных католической церковью. В прежние века такое признание во многом было эквивалентно Нобелевской премии. В список входили выдающиеся за литературные, научные и гуманитарные достижения, лишь слегка разбавленные трудами шарлатанов или писателей среднего уровня.

В 1763 году Юм был назначен секретарем британского посла во Франции. Война, которую так успешно вели генералы вроде Сент-Клера и командира гарнизона в Л'Ориенте, постепенно была прекращена из соображений неразумности. Место в Париже было для Юма огромной удачей. Теперь его считали английским Вольтером и принимали в высшем обществе. Посол быстро понял, что присутствие его секретаря в салонах гораздо лучше поддерживает интересы Британии, чем

что-либо другое, и посоветовал ему как можно больше бывать в общественных местах.

К этому времени Юм выглядел довольно неважно. Его лицо было толстым и красным, он много ел и пил, был тучен и неуклюж. Но он обладал блестящим интеллектом и остроумием. Французы никогда не видели ничего подобного. Для них элегантность и остроумие были синонимами. Юм был непохож на остальных — они считали это истинной британской эксцентричностью. Из-за своих необычайных размеров он был освобожден от необходимости кланяться при дворе, а после одного несчастного случая — и от обязательного правила идти спиной к выходу. Юм был представлен королю и всем членам его семьи, даже самым маленьким внукам, каждый из которых выучил маленькую речь в честь «м'сье Йум» и хотел прочитать «Историю Англии».

Несмотря на свой успех в обществе, Юм не был счастливым человеком. Где-то глубоко внутри прятал он свои эмоции. Ему нравилось женское общество, сам он говорил о себе как о «галантном мужчине, не оскорбляющем чувства мужей и любовников». Но оказываемое ему почтение

заставляло его срывать маску. Когда он встречал красивую и умную женщину, которая демонстрировала ему свою заинтересованность в нем как в мужчине, он сразу пускался в авантюру.

Но это была Франция, и подобные вещи не проходили так просто. Графиня де Буффлер была учительницей принца де Конти, одного из самых влиятельных людей во Франции. Ей было тридцать восемь, Юму — пятьдесят два. Они быстро стали друзьями, но оба боялись дальнейшего сближения. Они переписывались, используя сложные манеры письма того периода, и пытались тонко, иногда другими словами выразить свои подлинные чувства. Юм писал ей: «Вы спасли меня от полного безразличия ко всему в человеческой жизни». Но в итоге получалось, что они оба боятся друг друга и признают бесплодность ситуации. Из всего этого ничего не вышло, и после возвращения Юма в 1765 году в Англию они больше никогда не виделись. Хотя продолжали переписываться, и последнее написанное Юмом письмо было адресовано понимающей его графине.

Именно при ее посредничестве Юм познакомился с Руссо, великим французским полити-

ческим теоретиком и философом. Сегодня Руссо обычно характеризуют как безумца и преступника, идеи которого привели к печальным социальным событиям. Этого нельзя отрицать. Руссо обладал неустойчивой психикой; он лично отвел всех своих пятерых детей, одного за другим, в приют. Его идеи действительно взывали к беспринципному поведению. Он верил в то, что истинными достоинствами обладает «благородный дикарь», не поработенный цивилизацией. Он выступал против общественного договора, гарантировавшего естественные права и свободы и выражавшего «общую волю». Когда человек добровольно стремится к общему благу, это «вынужденная свобода». Такие слова кажутся странными уху гражданина, живущего в XX веке. Идеи Руссо вдохновили славную и ужасную Французскую революцию, и продолжали играть ту же роль в XX веке. Они различимы как в фашизме и коммунизме, так и в либеральных ценностях.

Но Руссо, с которым встретился Юм, был не просто бомбой, начиненной взрывоопасными идеями. Как человек он был скорее гением, вдохновлявшим всех романтиков, человеком, чувства ко-

торого были напряжены до предела. Он был полной противоположностью Юму — как в философии, так и по темпераменту. И все же они были по одну сторону. Они оба стремились к реформам. Старая Европа абсолютной монархии начала уступать место более либеральному и демократическому обществу. Эволюционный процесс начался с Декарта и был продолжен появлением психологического романа. Европа стала свидетелем рождения самосознания: мыслящий индивидуально. Руссо занимался тем, что размышлял об этой индивидуальности, о ее путях самовыражения и реализации. Юм изучал возможности самостоятельного мышления и изучения мира при помощи разума, очищенного от старых предрассудков. Нет такой вещи, как «душа», никто никогда не воспринимал «разум», мы не видим причинности, или Бога. Руссо, с другой стороны, не создал связной философии, но вошел в историю своими идеями, такими как идея «благородного дикаря» и высказываниями: «Человек был рожден свободным, но сейчас он повсюду в цепях».

Руссо подвергался нападкам после публикации романа «Эмиль», выступающего за демокра-

тию и отрицающего божественное право королей, и Юм предложил ему свою помощь. К сожалению, когда Руссо приехал в Англию, он уже был доведен до безумия своими преследователями. Он обнял Юма, сказав, что сильно любит его, и почти без перехода стал утверждать, что философ находится в заговоре с его врагами и замышляет зло. Юм делал для него все, что мог, Руссо — все, чтобы испортить его старания. К всеобщему облегчению Руссо вскоре отбыл во Францию, но и там начал распространять про Юма всевозможные сплетни. Философ повстречался с гением, и оба не поняли друг друга. Природа их встречи была во многом символической — борьба между этими двумя позициями продолжается и сегодня.

В 1769 году Юм вернулся в Англию, чтобы жить в Эдинбурге. К этому моменту он был огромен — «самая толстая среди свиней Эпикура», согласно Гиббону (который и сам был не худым). Юм продолжал много работать, переписывал свою «Историю» и философские работы, писал эссе. Также он создал на редкость объективную и вместе с тем уклончивую биографию. Возможно, он не хотел давать лишний повод своим врагам,

которых было много. Для консерваторов — церкви, ортодоксальных ученых и так далее — он оставался анафемой. С другой стороны, анонимный памфлет под названием «Характер... описанный им самим», который определенно посвящен ему и почти наверняка написан им, содержит глубокие озарения по поводу его личности: «Очень хороший человек, постоянной целью которого было причинение неприятностей». «Энтузиаст без религии, философ, отчаявшийся найти истину». «Свободный от вульгарных предрассудков и полный своих собственных».

Теперь Юм был известным почтенным джентльменом в Эдинбурге. Он наслаждался трапезами в компании друзей, ставших известными как «Едоки». Но он продолжал также обсуждать свои идеи с коллегами-интеллектуалами, например, со своим постоянным другом Адамом Смитом, философом и обществоведом, основателем политэкономии. Юм и Смит разделяли многие идеи относительно развития общества, предполагается, что Юм повлиял на теорию Смита о «невидимой руке» конкуренции, которая управляет его (общества) интересами. Эта рука, формировавшая ис-

торию XX века, кажется, протянулась и в XXI-й, с его борьбой за ограниченные ресурсы. Впрочем, ни Смит, ни Юм не несут ответственность за ограниченность сегодняшней экономики. Они жили на заре эры новых возможностей, казавшихся тогда безграничными, той эры, над которой сегодня заходит Солнце.

Но во многих других отношениях идеи Юма находятся в соответствии с уровнем развития XX века. «Взяв в руки любую книгу, например, по религии или школьной метафизике, спросите: содержатся ли в ней какие-то теоретические размышления относительно количества или числа? Нет. Содержит ли она какие-либо экспериментальные суждения, касающиеся фактов и существования? Нет. Тогда предайте эту книгу огню, потому что в ней нет ничего кроме софистики и иллюзии». Или: «Мир — это не что иное, как идея слепой природы, пронизанной великим принципом жизни, текущей куда-то и не знающей родительских чувств по отношению к своим искалеченным детям». Такие мнения были редкостью в середине XVIII века.

Постепенно физическое состояние и образ жизни Юма начали давать о себе знать. Он забо-

лел, и для его лечения пригласили двух хирургов. Один за другим они обследовали пальцами его массивный живот и пришли к единому выводу, что он страдает опухолью печени. Так как Юм был скептиком и предпочитал убедиться во всем самостоятельно, он сам исследовал свой живот и действительно обнаружил опухоль «величиной с яйцо, плоскую и круглую».

Его здоровье постепенно ухудшалось, он начал терять вес. Распространился слух, что Юм при смерти, и многие люди захотели узнать о том, что этот великий атеист скажет на своем смертном ложе. Прибыл Босвелл и обнаружил, что Юм «стал тощим, страшным, землистого цвета». Трудно понять, является ли последнее замечание неточным или глубоким. Но когда Босвелл спросил Юма, верит ли тот в возможность загробной жизни, он ответил: «Это так же возможно, как то, что уголь, положенный в огонь, не загорится».

После продолжительной болезни Юм умер — 25 августа 1776 года (не причащаясь). Довольно большая толпа собралась у его дома, чтобы посмотреть на похороны «атеиста»; он был не таким уж непопулярным среди обычных людей, его не любила толь-

ко церковь. И в отличие от грядущих великих философов, его философия осталась находящей отклик у других поколений. Но есть одно «но». Читая философские труды Юма, мы понимаем, что думаем мы так же, но живем по-другому и знаем об этом. Может быть, философия того времени права, *амы*—нет?

Послесловие

Эпистемология, изучающая основы познания, считалась многими ядром философии. До Юма эпистемология была развивающейся областью, из которой выростали всевозможные теории. На них были основаны поражающие воображение системы, ставшие гордостью философии. Это был самый продаваемый продукт: система, которая объясняет *все*. После Юма он резко подешевел. Юм показал, что создание философских систем невозможно. Однако в природе самой философии заложен интерес к невозможному. В эпоху, последовавшую после смерти Юма, немецкие философы создали самые великие из известных людям философских систем.

Кант прочел Юма и сказал, что этот опыт пробудил его «от догматического сна». В результате Кант создал всеохватывающую систему, крайне любопытную и содержательную. За ним шел Гегель, породивший величайшего философского динозавра — метафизическую систему, настолько обширную и сложную, что она была выше понимания простых смертных. Ницше считал, что такие претенциозные попытки в состоянии породить только нечто нежизнеспособное. Сам он говорил, что «в одной странице Юма больше смысла, чем во всех работах Гегеля».

Но даже Ницше не смог разрешить эпистемологическую проблему, которую Юм поставил на пути прогресса философии — признав, что возражения Юма (которые касались почти всего) неоспоримы. Единственный способ двигаться дальше — просто игнорировать их. Мы все равно продолжаем философствовать, так же как продолжаем жить, несмотря на отрицание Юмом длительности существования. Всегда есть что-то, о чем можно философствовать.

В XX веке Витгенштейн создал еще одну теорию. Высокомерно игнорируя Юма (настолько,

что он даже его не прочитал), Витгенштейн пришел к той же самой точке зрения (великие умы не всегда думают одинаково из-за того, что воспитаны на тех же источниках).

Юм вполне мог столкнуться Шалтая-Болтая со стены, но еще никто не смог собрать его обратно. Сегодняшняя философия продолжает игнорировать определенные вопросы (считая их не имеющими ответа). А кроме того, и определенные ответы.

Юм, его последователи и современная наука

Крайний эмпиризм мог оказаться разрушительным для философии и религии, но он расчищал путь для прекрасного нового мира. На нем не было смирительной рубашки старых традиций, прежних убеждений, для него ничто не было священным, кроме истины, а истина была доступна каждому через посредство опыта. В философии Юма заложен принцип ответственности. Отсюда остался лишь небольшой шаг до веры в прогресс, демократию и науку, в эти идолы нашей эпохи.

Неспроста первый истинный последователь Юма был как философом, так и физиком. Эрнст Мах родился в Австрии в 1838 году и вырос в эпоху великих метафизических систем Канта, Мар-

кса и Гегеля, считавшихся главными философами того времени. Как ни странно, Маха сегодня чаще вспоминают за его самые незначительные достижения: работы в области сверхзвука. Когда объект достигает скорости звука, он пробивает «звуковой барьер»: это происходит при махе 1, (единица измерения названная его именем).

Как ученый Мах разделял эмпиризм Юма и его теорию познания. По мнению Маха именно так работает, или должна работать, наука. В отличие от большинства философов Мах достаточно знал о науке, чтобы применять идеи Юма и достигать результатов. Во второй половине XIX века наука проходила через трансцендентную фазу, как и философия. Она стала слишком обширной и преувеличивала свои возможности — тщила завоевать мир и объяснить его (периодически появляющееся в науке умственное расстройство, достигшее периода обострения к концу XIX века). Считалось, что наука может познать все. Целая вселенная действует по законам механики, открытым при помощи науки. Такие законы существуют объективно и не могут быть поставлены под сомнение философией.

Маху пришлось взорвать эти представления. Его возражения были основаны на работах Юма. Так называемые законы природы являются лишь обобщением великого множества случаев опыта. Только такой опыт и существует, обобщение — не более чем созданные человеком идеи, не имеющие независимого существования.

Развитие Махом идей Юма вызывало раздражение в эпоху науки Дарвина, Фарадея и Менделеева. Но его идеи могли выстоять против таких гигантов, поскольку были вдохновлены идеями Ньютона. Юм очень глубоко понимал науку, и его теория осталась адекватной, несмотря на тот шаг, который наука сделала за временной отрезок между ним и Махом.

Когда Мах начал применять идеи Юма к науке, он вскоре обнаружил, что некоторые основные предположения его времени ставятся под вопрос. Согласно его концепции, все, что можно сказать о пространстве, — это распространение и поведение феноменов внутри него. То есть нельзя говорить о факте бытия явлений в чем-то, называемом пространством, потому что таковые нельзя наблюдать или зарегистрировать при помощи при-

боров, *по определению*. Другими словами, не существует абсолютного пространства: это просто понятие. То же самое верно и в отношении времени. Мы на самом деле не измеряем время. Время — только наша идея. Все, что мы можем измерить — это серию изменений (бег, например) в соотношении с другой серией изменений (контролируемые и стандартизированные движения секундомера). Точно так же не существует такого явления, как абсолютное пространство. Несколькими годами позже Эйнштейн признает, что на его теорию относительности повлияли идеи Маха о времени.

Но такой подход к эпистемологии содержит в себе семена собственного будущего разрушения (и как мы увидим, возможно, даже разрушение эпистемологии является задачей философии). Мах также применил идею Юма к атомам. Во второй половине XIX века понятие атома начало играть важную роль, как в химии, так и в физике. Менделеев создал свою периодическую таблицу элементов на основе идеи различия атомов, революционная теория Авогадро об одинаковой плотности газов была основана на понятии атома. Но никто так и не видел атома и не измерил

его, и не выступил с неоспоримым свидетельством его существования. Наука двигалась в поле гипотез, не основанных на наблюдениях, полагаясь на те объяснения, *которые работают*. Понятие атома работало как объяснение — и оказалось крайне плодотворным в расширении научного знания. Так что из того, что существование атома не может быть доказано — это не важно. Мах, а следовательно, и Юм были не правы. Или неправы мы? Что же на самом деле такое атомы?

Атомы, как считали ученые конца XIX века, были мельчайшими нерушимыми «шарами для бильярда». Мах возражал против этой точки зрения, основываясь на философии Юма, и был прав. Мы знаем, что атомы не являются мельчайшими нерушимыми шарами для бильярда. Согласно современной науке они гораздо сложнее. В действительности, уже в первые десятилетия XX века картина «атома» была поставлена под вопрос основателями квантовой физики. Великий немецкий ученый Гейзенберг (это ему принадлежит знаменитый принцип неопределенности) считал, что невозможно описать такой феномен, как атом. Все, что мы можем делать — вести на-

блюдения на уровне физики и составлять описания явлений. Эти данные можно прочесть только как серию таблиц, не относящихся к какой-то единой «картине» атома. Все такие картины являются понятиями, не основанными на наблюдениях, и могут только порождать заблуждения. Подход Маха (эмпиризм Юма) оказался все-таки действенным. Сходство между таблицами данных Гейзенберга, не привязанных к общей картине, и простыми впечатлениями Юма — несомненно.

Идеи Маха оказали большое влияние на одно из важных направлений в современной философии, а именно на логический позитивизм. Таковой был создан группой ученых, философов и математиков, которые регулярно собирались в венских кафе, и поэтому получили название «Венского кружка». Принадлежность этих людей к различным направлениям науки показывает, что данное направление было воспринято как идеал научной философии.

Основные принципы логического позитивизма можно безошибочно считать основанными на философии Юма. Согласно им существуют два типа значимых предложений. Первые являются

предложениями логики и чистой математики. Они необходимо истинны, потому что представляют собой тавтологии, то есть смысл одного понятия содержится в тех, при помощи которых о нем говорится. Например, $2+2=4$, понятие «4» целиком содержится в понятии « $2+2$ ». Второй тип значимых предложений — это высказывания о фактах эмпирического мира. Например, «идет дождь», или «скорость света равна 186,282 милям в секунду». Мы можем проверить эти факты (или опровергнуть их) на основе опыта или при помощи эксперимента. Все предложения, которые не попадают в две указанные категории, логические позитивисты считают метафизическими домыслами. Они не необходимы (в логическом смысле) и не опровержимы никаким способом. Например, «Бог создал мир» или «Жизнь не имеет смысла».

К сожалению, вскоре стало ясно, что основные принципы логического позитивизма также попадают в эту категорию. Они не были логически необходимыми, а также не могли быть доказаны опытом. Несмотря на этот недостаток, логический позитивизм оказался полезным для устранения предпосылок метафизики XIX века из

науки. Он предложил версию научной философии и был введен в употребление такими учеными 20—30-х годов прошлого века, как Эйнштейн и Бор, изменившими облик нашей Вселенной. Но с развитием теории относительности и квантовой теории наука, кажется, стала прогрессировать совершенно не научным образом. Возьмите, например, квантовую теорию, в которой свет считается как потоком частиц, так и волной. Это не логично — одно явление не может быть двумя явлениями одновременно. Но как теория она *работает*, и производит достоверное знание. Здесь теория основывается на другой теории, в которой опыт (или экспериментально подтвержденные данные) является *конечным продуктом*. В такой ситуации любая философская теория познания будет неадекватной. Похоже, что со временем наука отказалась от идеи эпистемологии. Но если когда-нибудь таковая вернется в область философии, она, безусловно, будет основана на идеях Юма.

Из произведений Юма

Определение впечатлений и идей:

«Все перцепции [восприятия] человеческого ума сводятся к двум отличным друг от друга родам, которые я буду называть впечатлениями и идеями. Различие между последними состоит в той степени силы и живости, с которой они входят в наш ум и прокладывают свой путь в наше мышление или сознание. Те восприятия, которые входят [в сознание] с наибольшей силой и неудержимостью, мы назовем впечатлениями, причем я буду подразумевать под этим именем все наши ощущения, аффекты и эмоции при первом их появлении в душе. Под идеями же я буду подразумевать слабые образы этих впечатлений в мышлении и рассуждении: таковы, например, все

восприятия, возбуждаемые настоящим трактатом, за исключением тех, которые имеют своим источником зрение и осязание, и за исключением того непосредственного удовольствия или неудовольствия, которое может вызвать этот трактат».

Трактат о человеческой природе, книга I

Объяснение впечатлений:

«Существует еще одно деление наших восприятий, которое имеет смысл рассмотреть и которое распространяется как на впечатления, так и на идеи, — это деление тех и других на простые и сложные. Простые восприятия, т. е. впечатления и идеи, — это те, которые не допускают ни различия, ни разделения. Сложные восприятия противоположны простым, и в них могут быть различены части. Хотя определенный цвет, вкус и запах суть качества, соединенные в данном яблоке, однако легко понять, что эти качества не тождественны, а по крайней мере, отличны друг от друга.... *Все наши простые идеи при своем первом появлении возникают из простых впечатлений, соответствующих им, которые они выражают.*»

Трактат о человеческой природе, книга I

О причине и следствии:

«Теперь я снова рассматриваю вопрос всесторонне, чтобы открыть природу этой необходимой связи и найти то впечатление или те впечатления, от которых может происходить эта идея. Стоит мне бросить взгляд на *известные качества* объектов, чтобы непосредственно обнаружить, что отношение причины и действия от *них* совершенно не зависит. Рассматривая их *отношения*, я нахожу лишь отношения смежности и последовательности, которые уже признал недостаточными и неудовлетворительными. Неужели же, отчаявшись в успехе, я стану утверждать, что обладаю идеей, которой не предшествует никакое сходное с ней впечатление?»

Трактат о человеческой природе, книга I

Невозможность продолжительного и определенногo существования:

«Что же касается независимости наших восприятий от нас, то она никогда не может быть предметом чувств; и всякое мнение, составляемое о ней, должно быть основано на опыте и наблюдении. Впоследствии мы увидим, что выводы, основанные на опыте, далеко не благоприятны

доктрине о независимости наших восприятий. Пока же мы можем отметить, что, говоря о реальных, обособленных от нас предметах, мы скорее имеем в виду их независимость, чем их внешнее положение в данном месте, и считаем объект достаточно реальным, когда его бытие непрерывно и независимо от тех непрерывных изменений, которые мы сознаем в себе.

Итак, резюмирую все сказанное мной относительно чувств: они не дают нам понятия о непрерывном существовании, потому что не могут действовать вне тех пределов, в которых они реально действуют. Столь же мало чувства порождают мнение об отдельном существовании, ибо они не могут дать его нашему уму ни как нечто представленное, ни как оригинал. Чтобы это мнение стало представлением, чувства должны доставить нам и сам объект, и его образ. Чтобы оно казалось оригиналом, чувства должны обманывать нас, причем обман этот должен касаться отношений и ситуации, а для этого чувства должны быть в состоянии сравнивать объекты с нами. Но даже и в таком случае они не обманывают нас, да и не могут нас обманывать. Поэтому мы можем с

достоверностью заключить, что мнение о непрерывном и отдельном существовании никогда не возникает из внешних чувств».

Трактат о человеческой природе, книга 1

«Между тем каковы бы ни были наши философские взгляды, очевидно, что, поскольку дело касается восприятия посредством чувств, цвета, звуки, тепло и холод существуют так же, как движение и плотность, и различие, которое мы проводим между ними в этом отношении, коренится не в самом восприятии. Соответственно мы видим, что все заключения, которые простолюдин формирует в своей голове, полностью противоположны тем, которые делает философия. Потому что философия говорит нам, что все явления разума есть только восприятия, и они зависят от нашего разума; тогда как простолюдин разделяет восприятие и объект, приписывая последнему продолжающееся существование. Это убеждение, так как оно совершенно неразумно, должно быть результатом другой способности, нежели понимание. Можно добавить, что пока мы считаем наши восприятия и объекты одним и тем же, мы

никогда не можем приписывать существование одной формы за счет другой, а также говорить о причине и следствии. Даже после того как мы предположим существование объектов независимо от восприятий, мы все равно не сможем говорить о причине и следствии: поэтому наш разум не должен ни при каких предпосылках давать нам ощущение о продолжающемся и непрерывном существовании тела. Это мнение целиком относится к нашему *воображению*».

Трактат о человеческой природе, книга 1

«Ошибки в философии только смешны, ошибки в религии опасны».

Трактат о человеческой природе, книга 2

«Разум является и должен быть рабом страстей, и никогда не должен притворяться, что может не только подчиняться и служить им».

Трактат о человеческой природе, книга 2

«Понятие морали подразумевает некоторое общее всему человечеству чувство, которое рекомендует один и тот же объект как заслуживающий

общего одобрения и заставляет каждого человека или большинство людей соглашаться друг с другом, приходя к одному и тому же мнению или решению относительно него. Это понятие подразумевает также некоторое чувство, настолько всеобщее и всеобъемлющее, что оно распространяется на все человечество и делает поступки и поведение даже наиболее удаленных лиц объектом одобрения или осуждения в соответствии с тем, согласуются или не согласуются таковые с установленными правилами подобающего. Эти два необходимых обстоятельства связаны только с чувством человеколюбия, на котором мы здесь настаивали. Другие аффекты вызывают в груди каждого множество сильных чувств желания или отвращения, привязанности или ненависти. Но они не настолько всеобщие и всеохватывающие, чтобы быть основанием для какой-либо общей системы или установившейся теории осуждения или одобрения».

Исследование о принципах морали

«Я часто наблюдал, что среди французов очень распространен вопрос в отношении незнакомца: «Он вежлив? Он умен?» В нашей собственной стра-

не в основном спрашивают о том, является ли незнакомец добрым, чувствительным человеком».

Исследование о принципах морали

«Возможности человека не превосходят его желания, и ничем не отличаются от возможностей лис или зайцев, в сравнении с их желаниями и их периодом существования».

Обессмертии души

«В лице Ньютона этот остров породил величайшего и крайне редкого гения, который когда-либо появлялся для украшения и обучения вида. Он был внимателен в выборе принципов, которые должны были производиться только опытом, но осторожен в принятии даже таких, насколько бы они ни были новыми или необычными; из скромности он не думал о своем превосходстве над остальным человечеством, и поэтому не старался приспособить свои рассуждения к обыденному пониманию. Он больше стремился к пользе, чем к своей славе, по этим причинам он долго оставался неизвестным. Но его репутация, наконец, достигла высот, каких едва ли достигал до этого хотя бы один писатель...

Большинство из признанных писателей этого века оставили после себя гениальные монументы, извращенные плохим вкусом и низостью, но никто не превзошел Драйдена... как по величине своего таланта, так и по неумению его применить. Его пьесы, за исключением нескольких сцен, совершенно испорчены безрассудством или недостатками, а иногда и тем, и другим. Его переводы кажутся дитем голода и поспешности, даже его басни представляют собой неправильно выбранные истории, снабженные неподобающим комментарием. И все же, несмотря на большое число неудач, отбросов языка, можно обнаружить несколько небольших произведений — его «Оду Св. Сесилии», большую часть «Абсалом» и «Ахитофель», а также некоторые другие — которые открывают такой гений, такое богатство выражения, такое многообразие форм, что они заставляют нас жалеть о низости, или скорее, великой абсурдности, его остальных произведений».

История Англии

«Отсутствие чувств до появления тела кажется естественному разуму доказательством су-

ществования подобного же состояния после смерти».

Обессмерти души

«Оглянитесь на этот мир. Какое многообразие существ, наделенных душой и организованных, чувствующих и активных! Вы будете восторгаться этому чудесному разнообразию. Но приглядитесь ближе к этим живым существам, которые только и стоят внимания. Как жестоки и разрушительны они по отношению друг к другу! Как недостаточны они для своего счастья! Насколько странны они для наблюдателя! Целое представляет собой идею слепой природы, которую пронизывает великий принцип жизни, текущей из своего убежища и не знающей родительских чувств по отношению к своим искалеченным детям».

Диалог о естественной религии

Важные даты в философии

6 в. до н.э. Начало развития западной философии — Фалес из Милета.

Конец 6 в. до н.э. Смерть Пифагора.

399 г. до н.э. Сократ приговорен к смерти в Афинах.

387 г. до н.э. Платон основывает Академию в Афинах, первый университет.

399 г. до н.э. Аристотель основывает Лицей в Афинах, в противовес Академии.

324 г. н.э. Император Константин переносит столицу Римской Империи в Византию.

ВАЖНЫЕ ДАТЫ В ФИЛОСОФИИ

400 г. н.э. Блаженный Августин пишет свою «Исповедь». Философия сливается с христианской теологией.

529 г. н.э. Император Юстиниан закрывает Академию в Афинах, ставя, таким образом, точку на эллинистической мысли.

Середина 13 в. Фома Аквинский пишет комментарий к трудам Аристотеля. Эра схоластики.

1453 г. Завоевание Византии турками, конец Византийской Империи.

1492 г. Колумб открывает Америку. Ренессанс во Флоренции и возрождение интереса к учению греков.

1543 г. Коперник публикует свой труд «О вращении небесных сфер», в котором он математически доказывает, что Земля вращается вокруг Солнца.

1633 г. По настоянию церкви Галилей отрывается от гелиоцентрической теории Вселенной.

1641 г. Декарт публикует свои «Размышления», послужившие началом развитию современной философии.

ВАЖНЫЕ ДАТЫ В ФИЛОСОФИИ

1677 г. Со смертью Спинозы становится возможной публикация его «Этики».

1687 г. Опубликование «Математических принципов натуральной философии» Ньютона с законом всемирного тяготения.

1689 г. Локк выпускает «Опыт о человеческом разумении». Начало эмпиризма.

1710г. Выходит книга Беркли «Трактат о причинах человеческого знания», в которой развиваются идеи эмпиризма.

1716 г. Смерть Лейбница.

1739 г. — Юм публикует свой «Трактат о человеческой природе», в котором продолжает развивать идеи эмпиризма.

1781 г. Кант, разбуженный Юмом от своего «догматического сна», выпускает «Критику чистого разума». Наступает великая эра немецкой метафизики.

1807 г. Выходит в свет «Феноменология духа» Гегеля, высшее проявление немецкой метафизики.

ВАЖНЫЕ ДАТЫ В ФИЛОСОФИИ

1818 г. Шопенгауэр публикует свой «Мир как воля и представление», в котором вводит в немецкую метафизику элементы индийской философии.

1889 г. Ницше, объявив, что «Бог умер», умирает сам в Турине, сойдя с ума.

1921 г. Витгенштейн выпускает в свет свой «Логико-философский трактат», в котором утверждает, что нашел «окончательное решение» философских вопросов.

1920-е гг. Венский кружок создает логический позитивизм.

1927 г. Хайдеггер публикует «Бытие и время», где сообщает о расколе между аналитической и европейской философией.

1943 г. Выходит труд Сартра «Бытие и ничто», в котором развиваются идеи Хайдеггера и даются начальные положения экзистенциализма.

1953 г. Посмертная публикация «Философских исследований» Витгенштейна. Пик лингвистической философии.

Хронология жизни Юма

1711 — Давид Юм родился в Эдинбурге

1723 — поступил в Эдинбургский университет в возрасте 12 лет.

1729 — переживает серьезный нервный срыв.

1734 — отправляется жить во Францию, чтобы писать там свои философские работы.

1739—1740 — публикует «Трактат о человеческой природе», который выходит без отклика.

1745—1746 — работает учителем у маркиза Анандала.

1746 — Юм принимает участие в фарсе-нападении на Францию генерала Сент-Клера.

ХРОНОЛОГИЯ ЖИЗНИ ЮМА

1748 — печатается первое издание его «Эссе».

1754—1762 — публикация принесшей ему успех «Истории Англии».

1758 — выходит в свет «Исследование о человеческом разумении», которое представляет собой переписанные книги 1 и 2 «Трактата».

1763 — становится секретарем британской миссии в Париже.

1766 — привозит Руссо в Англию.

1769 — возвращается жить в Эдинбург.

1776 — умирает после продолжительной болезни.

Именной указатель

Августин Блаженный 9

Агнеса 17—19

Аквинский, Фома 9

Аристотель 6

Бентам, Иеремия 34

Беркли, Джордж 8,23

Битва под Каллоденом 26

Босвелл, Джеймс 16,45

де Буффлер, графиня 39

Венский кружок 56

Витгенштейн, Людвиг 48

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Гегель, Георг Вильгельм Фридрих 48, 52, 54
Гиббон, Эдвард, «История упадка и разрушения Римской империи» 42

Декарт, Рене 7, 19, 41

Драйден, Джон 36

Едоки 43

Кант Иммануил 51, 54

Локк, Джон 7, 34

Мах, Эрнст 52—55

Моснер, Е. 10

Нервная болезнь 13—17, 32—33

Ницше, Фридрих 48

Ньютон, Исаак 22, 23, 36, 53

Работы: «Диалоги о естественной религии», «Исследование о человеческом понимании», «Исследование о принципах морали», «История Англии», «Трактат о человеческой природе», «Эссе»

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Рассел, Бертран, «История западной философии» 19

Руссо, Жан-Жак 39-42

Сент-Клер, Джеймс 27-28, 30, 33, 35, 37

Смит, Адам 43—44

Сократ 6

Солипсизм 10

Эпистемология 47, 58

Об авторе

Пол Стретерн читал лекции по философии и математике, теперь живет и работает в Лондоне. Обладатель премии имени Сомерсета Моэма, автор книг по истории и географии, а также пяти романов. Его статьи публиковались в огромном количестве изданий, включая «Обсервер» (Лондон) и «Айриш Таймс». Степень по философии он получил в Тринити Колледж, в Дублине.

www.infanata.org

Электронная версия данной книги создана исключительно для ознакомления только на локальном компьютере! Скачав файл, вы берёте на себя полную ответственность за его дальнейшее использование и распространение. Начиная загрузку, вы подтверждаете своё согласие с данными утверждениями! Реализация данной электронной книги в любых интернет-магазинах, и на CD (DVD) дисках с целью получения прибыли, незаконна и запрещена! По вопросам приобретения печатной или электронной версии данной книги обращайтесь непосредственно к законным издателям, их представителям, либо в соответствующие организации торговли!

www.infanata.org

Научно-популярное издание

Философы за 90 минут

Пол Стретерн

ЮМ ЗА 90 МИНУТ

Ответственный редактор *Г.В. Щёлокова*

Технический редактор *Э.С. Соболевская*

Корректор *И.Н. Мокина*

Компьютерная верстка *А.Л. Павловой*

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл,
ул. Кочетова, д. 93

ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, проезд Ольминского, 3а

Наши электронные адреса: www.ast.ru

E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ООО «Типография ИПО профсоюзов Профиздат».
109044, Москва, Крутицкий вал, 18.